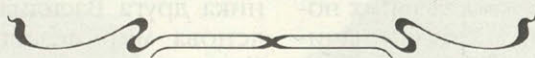

«НЕПРЕМЕННО
ПРИЕЗЖАЙТЕ»

ПУТЬ ДЛИНОЙ В СТО ЛЕТ

Федор Поленов

«Как бы мне хотелось показать Вам нашу Оку с ее окунями, налимами, судаками и даже стерлядями; а шересперы такие храбрые, так на тебя одним глазом и смотрят. Ведь мы с Вами первые открыли ее красоту и выбрали место для жительства». Это — из письма Василия Дмитриевича Поленова Константину Алексеевичу Коровину от 31 мая 1914 года.

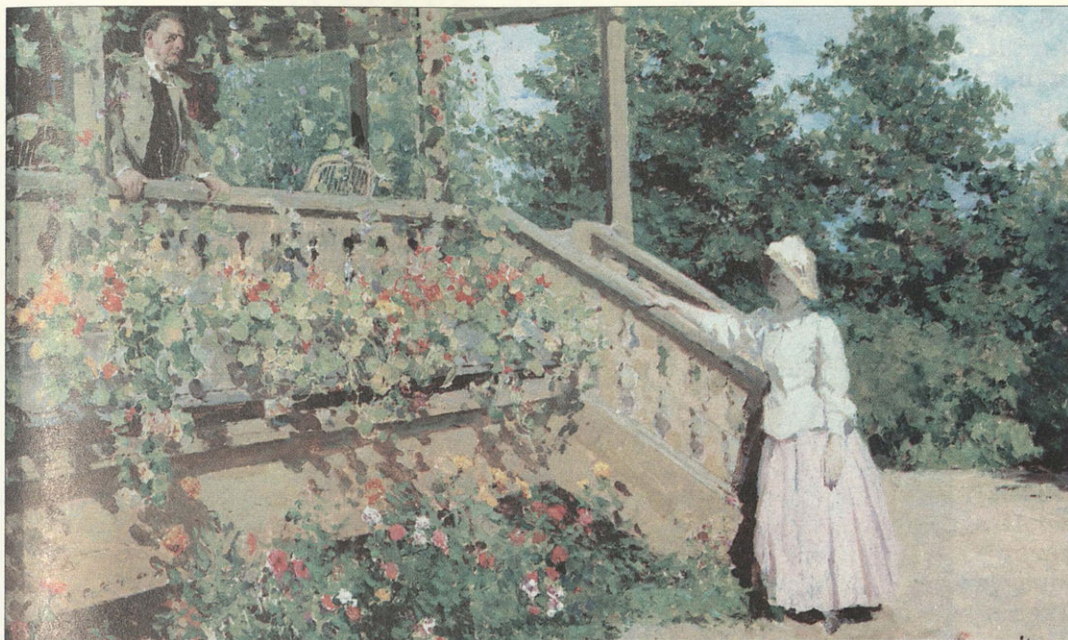
А было так. Конец восьмидесятых годов XIX столетия. Весна. По вошедшей в берега, но еще по-весеннему полноводной реке, минуя правобережные окские кручи, шел вверх колесный пассажирский пароход. С левого борта, над прибрежным дубовым лесом виднелись соломенные кровли изб деревни Бехово и высокое городище старинного кладбища с небольшой белой церковью на нем. Подкупающий проникновенным лиризмом пейзаж никого не оставил бы равнодушным. «Взгляни, Костенька, вот счастливый человек: в каких благодатных местах он живет», — сказал стоявшему на паровой палубе Коровину В. Д. Поленов, указав на одинокого пешехода, шедшего по береговой тропинке. Слева проплывали прибрежные холмы, впоследствии получившие названия Большого и Малого Алатырей, голый бугор будущего Борка, обрывающийся крутизной Уборовой горы. Разведенная пароходом волна качнула белый и красный бакены Беховского переката.

Впереди, за поворотом реки, открылась высокая колокольня над единственной площадью уездного городка Таруса. Коровин предложил сойти в Тарусе, чтобы побывать в «благодатных местах» и выяснить возможность в них поселиться. С этого, собственно, и начинается хроника Старого Бехова и Борка, переименованного в Поленово после смерти художника.

Стояли погожие майские дни. На лесных опушках цвели фиалки, готовы были вот-вот развернуть свои свернутые трубочкой листья молодые ландыши. В такие дни вся окская пойма напоена ароматом цветущей ивы, а в прибрежных кустах — несмолкаемый пчелиный гуд.

Своими самыми сокровенными, самыми глубинными корнями связана история поленовского музея с именем Константина Коровина. Лишь дважды довелось побывать ему в Старом Бехове: в ту памятную весну, когда они сошли с парохода в тихой Тарусе, и поздней осенью 1891 года, когда он в темноте наступающей ночи подвывал волку через открытое окно только что построенного дома. А ведь дом-то стоит до сих пор, правда, не в Старом Бехове, а в Борке. Это — флигель, примыкающий к музею, мимо него ежедневно проходят сотни экскурсантов. Он старше здания Большого дома. Флигель — живой свидетель всей столетней истории музея. У него много еще не высказанных тайн и до сих пор не раскрытых секретов. В нем и умер Василий Дмитриевич Поленов в 1927 году. А за два дня до смерти попросил жену повесить над его постелью этюд Коровина «Речка в Меньшове», сказав: «Я буду смотреть. А когда умру, напиши Константину поклон в Париж. Может быть, встретимся когда-нибудь на этой речке». Последнее желание умиравшего художника было выполнено.

«Gluboko skorbim kontchine houdojnika druga Wasilia Dmitrievitcha Polenova mir nesabvennomou Chaliapine Korovine» («Глубоко скорбим кончине художника друга Василия Дмитриевича Поленова мир незабвенному. Шаляпин Коровин»), — гласила пришедшая в Борк из Парижа телеграмма — ответ на скорбную весть о кончине Поленова.

К. Коровин. «Терраса с настурциями». 1884 г. Музей-заповедник В. Д. Поленова

К. Коровин. «За чайным столом». 1888 г. Музей-заповедник В. Д. Поленова

К. Коровин. «Аллея в Жуковке». 1888 г. Музей-заповедник В. Д. Поленова

Недавно в одной из статей под рубрикой «Собрание русской живописи. XX век» в «Огоньке» довелось прочесть: «Существовал ли импрессионизм в русском изобразительном искусстве на рубеже XIX — XX веков? Если говорить о каком-то прямом подражании знаменитым французским мастерам, то его, бесспорно, не было. Некой школы, или организационно оформленного объединения русских импрессионистов тоже не возникало... Но все же первым художником в России, который убежденно и последовательно, с артистическим совершенством развил живописные принципы, перекликающиеся с эстетикой импрессионизма, был Константин Алексеевич Коровин». И мне вспомнился давний рассказ о том, как на одном из первых занятий в натурном классе Мос-

ковского училища живописи, ваяния и зодчества Поленов, посмотрев на работу своего ученика, спросил его: «Так Вы импрессионист?» Коровин не смог ответить; он не знал, что это такое.

А вот в Борке Коровину так и не удалось побывать. Василий Дмитриевич приглашал его в мае 1914 года. Через два с половиной месяца началась первая мировая война. Сын Поленова Дмитрий Васильевич, ставший к тому времени первым директором музея, вспоминал, как голодной и холодной зимой 1921 года он шел пешком из Серпухова в Борок — свыше тридцати километров по снежному проселку. Шел под свежим впечатлением встречи с Коровиным — увы! — последней. Тот с большой теплотой вспоминал молодость, трогательно говорил о времени занятий в натурном

классе профессора Поленова как о наиболее счастливом времени жизни. Потом были международное признание, громкая слава, триумф Всемирной выставки в Париже в 1900 году, где его работы были удостоены сразу двух золотых и одной серебряной медалей. На вопросы журналистов, где и у кого он учился, Коровин не без гордости отвечал: «Professeur Polenoff. Moscou». («Профессор Поленов. Москва». (фр.))

Идя по зимней дороге из Серпухова в Борок, Дмитрий Васильевич нес в рюкзаке роскошный для тех времен дар: банку ячменного кофе и несколько апельсинов — совершенно непонятно, где мог Коровин их достать. Младшая сестра Дмитрия Васильевича вспоминала: «Папа узнал, что Коровину живется плохо, и послал ему свой этюд, чтобы тот его продал себе на пропитание. Подарок этот обошелся Коровину дорого, он, конечно, его не продал, а взамен прислал папе апельсинов». В том же году Коровин уехал за границу.

Бережно хранятся уже почти сто лет в поленовском музее шедевры, принадлежащие кисти раннего Коровина — «Мальвы в Саратовской губернии», «Милан», ставший классическим этюд «За чайным столом», «Терраса с натурциями». И — «Речка в Меньшове».

Сейчас, проходя по сельской улице в Бехове, часто ловлю себя на мысли: ведь здесь же сто лет назад проходил Коровин! Как-то не верится даже. А ведь проходи! С этого и началась столетняя жизнь Борка, вместившая так много неожиданного и собравшая так много замечательного.

Ровно через сто лет — не игра ли судьбы? — после того как ступили на окский берег в Бехове Поленов и Коровин, судьба привела меня на кладбище Сент-Женевьев дю Буа недалеко от Парижа. В русской литературе пока о нем лучше всех сказал Владимир Солоухин в рассказе о трех белых хризантемах, с которыми он искал могилу Шаляпина на кладбище Батиньоль. Березы, осе-

нившие могилу Ивана Алексеевича Бунина. Памятники, памятники, памятники. Надписи славянской вязью. Стилизация под Древнюю Русь. Отдельный некрополь посвящен русским бойцам Сопротивления в годы гитлеровской оккупации Франции. Жаны, Сержи, Пьеры с громкими русскими княжескими и графскими фамилиями. Уютную кладбищенскую церковь со звонницей, выстроенную по проекту Бенуа, удалось увидеть только снаружи, почему-то она была закрыта. В Сент-Женевьев дю Буа покоится прах сотен русских людей. Мне вспомнилась здесь надпись, о которой доводилось слышать. Надпись на памятнике общей братской могилы республиканцев и фалангистов в Испании. Мудрая надпись. Смысл ее таков: «От благодарной Испании — ее лучшим сынам, видевшим будущее счастье родины по-разному».

И вот — могила Коровина. Простой двускатный дубовый крест. Такой же формы северный крест, сделанный по рисунку Поленова, установлен на его могиле на Беховском кладбище над Окой. Крест, стоящий сейчас на могиле Константина Алексеевича Коровина, сделан опытными и умелыми руками великолепного плотника и столяра Александра Александровича Ляпина — внука Василия Дмитриевича Поленова. Он родился в Париже в 1927 году — в год смерти своего деда. Не игра ли судьбы?

Да, много русских людей нашли здесь свое последнее пристанище. Нашел и Коровин. Кладу на его могилу принесенные мной цветы. Я купил их в специальном магазине в Сент-Женевьев дю Буа. Жаль, что это — не зацветающие сейчас на березовых опушках над Окой ранние фиалки. Кроме этих цветов, восторженного преклонения перед огромным талантом, кроме благодарной и трепетной памяти, что мог я сюда принести? Разве только — обычную людскую скорбь по ушедшему близкому тебе человеку.